

ЮЛИЯ ТУПИКИНА

1. Как правило, да. Мне надо хорошо понимать героя, иначе он «молчит», пьеса не пишется.

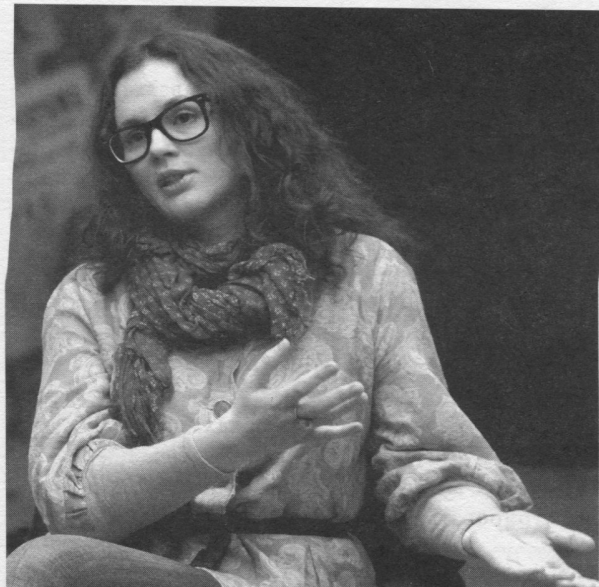
2. Бывают более телесные тексты и менее. Я предпочитаю телесные — тот же Андрей Платонов для меня — очень телесный автор. Идеи могут врать — тело не врет, тело есть у всех читателей и зрителей, а идеи могут быть чуждыми. Вообще, после Второй мировой войны — большое недоверие к идеям, но они живучи, как вирусы. А тела умирают, потому что тела вмещают жизнь, она бесконечна, но биологические сосуды конечны. И только то, что имеет отношение к телу, а значит, к жизни вызывает доверие. Поэтому я стараюсь, чтобы мои герои всегда были в контакте со своим телом.

3. Мне кажется, фиксирует. Например, ад «Пластилина» во многом — это ад тела: тела страдают, им больно, они изнасилованы, избиты, убиты, их тошнит, они мерзнут, дрожат, натянуты судорогой. Я думаю, что ничто, никакая умозрительность не передаст лучше состояние счастья, чем ощущения тела, — счастье телесно, счастье подбрасывает тело, отрывает от земли, запускает бабочек в живот, кружит голову, бархатно прикасается. Свет и искры из глаз — это все описания тела, и нет слов точнее, никакие отвлеченные понятия не заменят эти метафоры. Драматург, оторванный от своего тела, не сможет написать правдивый и выдающийся текст.

4. Я женщина, мне проще воплотить женщин, потому что у меня нет опыта жизни в мужском теле.

5. Я думаю, конфликт и сюжет — это категории, которые все же находятся чаще всего вне тела. Хотя потребности тела влияют на сюжет, да и в самой умозрительности столько телесного! Скажем, герой хочет всех спасти — это умозрительная идея. Но он спасает тела — он дает им любовь, заботу, он целует, прикасается, бережет от смерти тела других. Умозрительная идея — боязнь старения, но она так телесна — героиня переживает близкую смерть через дряблость тела, новые морщины, стареющее тело преграждает путь к новой любви, а значит, к бессмертию.

6. В пьесе «Учебник дерзости» мой герой запрещал себе чувствовать и сочувствовать — и был несчастен, его тело превратилось в его саркофаг, футляр. И когда этот герой меняется — он начинает чувствовать боль, но он чувствует счастье, тела других теперь не проходят мимо, они соприкасаются с ним, он взаимодействует с ними, он хочет сохранять этот контакт, потому что контакт тел — это путь на свободу из этого саркофага, из одиночества и замороженности. В пьесе «Стыд и плесень» героиня переживает старение и одновременно проживает свою женствен-

ность. Она проживает идею «быть женственной» телесно — через стыд кабинета гинеколога в том числе. Муж героини борется с плесенью в своем организме, он боится разрастания плесени и выжигает себя укусом изнутри, как будто при жизни начав бальзамирование, как будто превращая свое тело из биологической субстанции в твердое сухое вещество, по Циолковскому.

7. «Тот человек был застегнут на все пуговицы, даже в жару. Если садился за стол, то садился очень прямо, ровно держал спину и не мог расслабиться. Поминутно вскакивал и смотрел в окно — как там его дорогая тачка — ужасно смешно. Стеснялся говорить о чувствах, не умел обниматься и целоваться, представляешь. Когда его обнимали, он деревенел и даже дыхание останавливалось. Во время секса он делал все правильно, по плану, но никому не нравилось. Когда кто-то волновался рядом — ему становилось страшно и начинала болеть голова. Больше всего он любил, когда его оставляли в покое. Он хотел оттаять и встречал для этого разных женщин, они раздевались, но он ничего не чувствовал кожей и не помнил, как они пахнут. Пластик. Такой я был».

